

Поэт молчит,
Слова сжимают душу,
Сжимают жизнь.
И надо слушать... Слушать!
И слышать –
Слышать
Тонкий переход
От жизни к слову.
И наоборот.

Поэт молчит...
А празднословья ветер
Безудержно
Гуляет по планете,
Несёт пургу душевной шелухи –
Трескучий вздор,
Ничтожные стихи.

И даже пастырь
В комнате алтарной
Записывает свой стишок
Бездарный,
Чтобы поэта хлопнуть по плечу:
– Молчишь, поэт?
А я вот не молчу.
Мои стихи читают хором дети
И премию
«Всё сказано на свете»
Вручили мне
Торжественно вчера
За лёгкий слог и брызги от пера.

Поэт молчит,
А про себя рассудит:
– Хорошие мне – слава Богу! – люди

Встречаются.
Прощают мне грехи.
Но чёрт их дёрнул сочинять стихи,
Когда не слышат
Тонкий переход
От жизни к слову –
И наоборот.

* * *

Царство Божие не для пьяниц,
Знаешь, русский мой человек,
Больше нашего пьёт испанец,
Пьют прилично поляк и грек.
Но о нас говорят с укором,
Что мы пьём с тобой день-деньской,
Потому что спим под собором,
Хмель тяжёлый смешав с тоской.

А в соборе иконы, ладан,
Свечи, служба – спасенья ковчег.
Надо встать! Царство Божие рядом.
Встанем, русский мой человек!

* * *

Еще одна деревня умерла,
Уехали и старики, и дети.
Ушел народ искать свои дела,
Без дела-то нельзя на белом свете.
Кто в Сыктывкар подался, кто в Квебек.
В район соседний. Или за три моря.
Не проживает больше человек
В деревне древней на реке Печоре.
У человека планы и расчёт,
И он упрям, и многое умеет.
Он целый мир однажды обретёт,
Но на деревню став душой беднее.

ЗИМНЯЯ ДРАКА

Зимы у нас на Вычегде долгие. И темны.
Можно привыкнуть к снегу. Видеть десятые сны.

Можно ловить налимов. Хоть я не ловлю – мороз.
Можно листать брошюру «Шейный остеохондроз».

Можно вернуться в прошлое – в мыслях. Пить в тишине.
С Бродским вчера подрался зачем-то в десятом сне.

Сдался мне этот Иосиф?! Классик средней руки!
Разве за это дерутся? Разбивают очки?

Вижу Нью-Йорк и воздух я нервно глотаю ртом,
И у меня нет визы, только Пушкина том.

Вижу, совсем не Вычегда – устье реки Гудзон.
Бродский шагает навстречу... Очень тяжелый сон...

Наверное, это возраст. Или идёт циклон.

* * *

Солнце споткнется о времени край, как об порог.
Март остаётся зимою. Сон не найдёт покой.
Вижу во сне, как падает птица, вянет цветок.
Вижу ночное небо и звёзды над головой.
И мать умерла. И умер отец. И умер сын.
Ляжет на память снег и на улицы путь кривой,
Чтобы понять, никого нет рядом – и я один.
Только ночное небо и звёзды над головой.

Время споткнётся о солнце – снова придёт весна.
Встанут отец и мать. И сын возвратится живой.
В это поверить сможет лишь память вечного сна.
Только ночное небо и звёзды над головой.

ГРИБНЫЕ ДОЖДИ

Человек говорит соседу,
Что снова дождь –
Никакого лета нет,
Что размыло дороги,
Только лужи одни –
И к дому-то не пройдёшь...
– Не пройти, – говорит.
Но думает он о Боге.

Он о смерти думает,
Что когда-то умрёт,
Что, покинув тело,
Пойдёт под дождём босая
По глубоким лужам душа
Хоть какой-то брод
Отыскать на небо –
Размыло пути до рая.

Отвечает сосед,
Что скоро пойдут грибы,
Надо в лес сходить –
Взять отгул,
Например, во вторник.
Человек кивает,
А думает: дождь судьбы
Богом не предначертан,
Что Феофан Затворник
Объяснял: к спасению
Всех призывает Бог,
Хоть предвидит
Всю глухоту и свободу мира.
Человек произносит:
– Нет у меня сапог.
– Сапоги нужны, – говорит сосед. –
Будет сыро...

Пока мы разбирали сны и думы,
Их, если честно, вряд ли разберёшь,
Купили наше время толстосумы.
И сразу оптом. И почти за грош.

Скупили и молчание, и слово,
Движение столетий и минут,
И нефтяное поле Куликово,
И речку детства, и знакомый пруд.

Понадобилась им любая малость –
Все продано. Всему дана цена.
И лишь душа, как сирота, осталась.
И лишь душа... Кому она нужна?!

Она столичной никогда не станет –
Прок от неё выходит небольшой.
И тратиться не стали.
В глухомани
Живи себе с непроданной душой.

Встречай с ней утро и заката пламя,
Делись с ней неизбывною виной:
Купили наше небо с облаками.
Скупили наши звёзды – до одной.